

Второго я не убивал

А.М. СУНГУРСКИЙ

А.М. Сунгурский

Второго я не убивал

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Второго я не убивал / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Павел Лодыгин вышел на свободу после четырнадцати лет заключения. Он действительно убил своего компаньона. Теперь чинит мебель, учится разговаривать со взрослой дочерью и соглашается сняться в документальном фильме о своём возвращении. На съёмках находят убитым главного свидетеля прежнего дела. Тело лежит так же, как на старой фотографии. Люди вокруг помнят, на что способен Павел. Один из них утверждает, что видел, как он возвращался в мастерскую. На этот раз Павел не убивал. Но кто-то из тех, с кем он только что разговаривал, знает его прошлое достаточно хорошо, чтобы повторить его. И пока Павел ищет убийцу, ему придётся рассказать дочери правду, которую он скрывал все четырнадцать лет.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Два стула	5
Глава 2. Человек для фильма	11
Глава 3. Чужая куртка	16
Глава 4. Слова Бориса	21
Глава 5. Как на снимке	27
Глава 6. На этот раз	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

А.М. Сунгурский

Второго я не убивал

Глава 1. Два стула

Павел попросил столик на троих и сразу поправился:

— На двоих. Нас двое будет.

Официантка провела его к окну. Лишний стул она отставила к соседнему столику, взявшись за спинку одной рукой, и Павел вдруг пожалел, что сам не догадался этого сделать. Ничего не значащее движение получилось у неё легко; он же последние полчаса прикидывал, как сесть, куда положить куртку и нужно ли вставать, когда придёт дочь.

Тоня написала, что сможет на сорок минут. Не обещала привести сына, даже не упомянула его, но Павел всё равно взял подарок. Теперь коробка с жёлтым экскаватором лежала в пакете у ног. Сквозь тонкий пластик и прозрачное окошко виднелся ковш. Стоило чуть повернуться, и пакет шуршал.

Он задвинул его под стул.

За окном женщина пыталась убедить таксу перейти через водосточный жёлоб. Такса растянулась вдоль его края и смотрела вниз, как будто там была глубокая вода. Женщина говорила с ней сердито и ласково, потом взяла на руки. Павел смотрел им вслед, пока официантка не спросила, будет ли он заказывать.

— Подожду.

— Воду принести?

— Если можно.

Она поставила перед ним графин и два стакана. Он налил себе, второму оставил немного больше половины. Тоня в детстве не любила пить из полного: несла обеими руками, глядя на край, и обязательно расплёскивала, когда до стола оставался шаг. Сейчас ей было двадцать пять. Павел перелил воду обратно в графин, а потом разозлился на себя за эту возню.

Дочь вошла без пятнадцати два, на пять минут позже условленного. Он узнал её через стекло ещё до того, как она взялась за дверную ручку. Быстрая походка, сумка поперёк тела, тёмные волосы собраны кое-как, и одна прядь всё время попадает в рот. Она вытащила её двумя пальцами, оглядела зал и пошла к нему.

Павел начал вставать. Тоня коснулась его плеча, наклонилась, подставив щёку, и почти сразу села напротив.

— Извини. У нас печь встала.

— Совсем?

— Нет, запустили. Только всё пришлось переигрывать. Теперь завтра на пять надо.

Она достала телефон, прочла сообщение и убрала экраном вниз. На костяшке правой руки краснела свежая ссадина.

— Обожглась?

— Об ящик. Пап, я голодная ужасно. Ты уже что-нибудь взял?

— Тебя ждал.

Тоня открыла меню. Он собирался предложить ей судака, которого здесь хвалила женщина с его работы, но дочь сразу выбрала суп и макароны с курицей. Официантку попросила принести вместе, если получится.

— И кофе большой. Не после, а сейчас.

Павел заказал то же самое. Когда девушка ушла, Тоня на секунду прикрыла глаза и потёрла переносицу.

— Никита ночью два раза просыпался. Мы с Давидом по очереди вставали, а под утро он решил, что выспался. Никита, в смысле. Давид-то как раз не решил.

Она улыбнулась, и Павел засмеялся чуть громче, чем стоило. Услышал себя и замолчал.

— А что просыпался?

— Да ничего. Сначала пить, потом у зайца ухо за кровать упало. Сам заяц на месте, ухо зажали. Оказалось, серьёзная проблема.

— Я ему тут...

Он потянулся к пакету, но остановился, потому что Тоня уже посмотрела вниз.

— Что там?

— Машинка. Экскаватор. Ты говорила, он строительную технику любит.

— Любит.

Павел вытащил пакет и поставил на свободный край стола. Угол коробки натянул целлофан.

— Колёса нормальные, я проверил. Не отваливаются. И тут ковш двигается.

— Я вижу.

Она не взяла пакет. Павел подвинул его на несколько сантиметров ближе и только тогда понял, что торопит дочь.

— Просто передашь. От кого, можешь не говорить.

Тоня посмотрела на него.

— А как это будет? Я приду с игрушкой, он спросит, откуда, и я совру?

— Я не это имел в виду.

— Тогда не предлагай так.

Он убрал руку. За их спинами звякнула посуда; официантка подхватила с соседнего стола поднос, и стул, недавно стоявший рядом с Павлом, скрипнул по полу.

— Ты права, — сказал он.

Тоня вздохнула, посмотрела на часы и снова на игрушку.

— Я не хочу тебя обидеть. Но мы с Давидом пока не решили, как это делать. Я сама ещё не понимаю. Мне с тобой сначала надо как-то... Поговорить нормально.

— Я не прошусь к вам.

— Знаю. Только у нас опять разговор с Никиты начался.

Она сказала это устало, без злости. От этого Павлу стало хуже: на злость он мог бы ответить, а здесь нужно было просто перестать делать то, что он уже делал.

Он поставил пакет на пол.

— Расскажи про работу.

Тоня коротко усмехнулась.

— Ты сейчас как на родительском собрании.

— Не умею пока.

На этот раз она улыбнулась ему, и он выдержал паузу, не пытаясь сразу закрепить улыбку ещё чем-нибудь хорошим.

Суп принесли раньше кофе. Тоня обхватила ладонью край тарелки, проверяя, горячая ли, подула на ложку и стала рассказывать про женщину из своей смены, которая третий месяц собиралась уволиться. Каждый четверг она приходила с заявлением, но до кабинета директора не доносила: то новая сотрудница перепутывала начинки, то поставщик привозил муку не того сорта, то сама женщина придумывала начинку и требовала, чтобы сначала попробовали.

— А вы ей не говорите: да уходи уже? — спросил Павел.

— Так она хорошая. Я не хочу, чтобы уходила.

— Значит, надо прямо сказать.

— Говорила. Она тогда сразу просит ещё один выходной в субботу.

Павел засмеялся, теперь вовремя. Тоня ела быстро, не стесняясь его, и это неожиданно успокаивало. Она не сидела перед ним с правильным лицом, не подбирала выражение для встречи с вернувшимся отцом. Ей нужно было поесть до следующего дела.

Он спросил, давно ли она руководит сменой, и узнал, что почти два года. В письмах это было, он помнил, но представлял себе иначе: Тоня в чистой белой шапочке стоит возле печи и делает что скажут. В действительности она отвечала за двенадцать человек, обзванивала заболевших, договаривалась с водителями и один раз ночью ездила за ключами к директору, который выключил телефон.

— Справляешься, — сказал Павел.

— Ну куда деваться.

Она отодвинула пустую тарелку. Ссадина на руке теперь казалась ему следом той жизни, о которой Тоня столько лет писала и в которой он почти ничего не понимал.

— А у тебя как? — спросила Тоня.

Он рассказал про шкаф, который они с хозяином мастерской второй день пытались внести в квартиру. Заказчик измерил стену и высоту потолка, а дверной проём измерять не стал. Разобрать шкаф было можно, только за лишнюю работу он платить не хотел.

— Говорит: вы же мастера, придумайте. Виктор ему отвечает: мы придумали, теперь вы придумайте, чем заплатить.

Тоня прыснула в чашку.

— И что?

— Разобрали. Деньги он обещал завтра. Виктор половину полок пока оставил у нас.

— Залог?

— Не поместились в машину, — сказал Павел, и Тоня снова засмеялась.

Он заметил, что впервые за встречу перестал следить за собственными руками.

Потом она спросила про комнату. Павел сказал, что всё нормально, хотя хозяйка вчера заходила без стука и долго объясняла, почему стиральной машиной лучше пользоваться по выходным. Розетка у кровати грелась, он её заменил с разрешения хозяйки; окна выходили на стену соседнего дома, зато с вечера не было солнца. Тоне он рассказал только про розетку и окна.

— Мама спрашивала, устроился ли ты, — сказала она.

— Можешь сказать, что устроился.

— Я так и сказала.

Они помолчали. Курица в макаронах была суховата; Павел всё время натывался вилкой на один жёсткий кусок и наконец отложил его к краю тарелки.

— Я не буду через тебя ей передавать, — сказал он.

Тоня кивнула.

— Хорошо.

Он хотел добавить, что ни на что не рассчитывает, но это было бы неправдой. Рассчитывал на всё понемногу, даже когда себе запрещал. На случайную встречу с Надеждой, которая закончится не сразу. На то, что Тоня однажды скажет «заходи», не глядя перед этим в телефон. На возможность починить им кран, съездить за ребёнком, принести что-то тяжёлое. Он представлял себе дорогу обратно в семью как череду полезных дел и только теперь начинал замечать, что с другой стороны этой дороги никто не строил.

Телефон завибрировал в кармане. Номер был незнакомый. Павел сбросил вызов.

— Ответь, — сказала Тоня. — Вдруг по работе.

— Потом.

Через минуту пришло сообщение. Экран лежал под его ладонью, но Тоня успела увидеть начало: «Павел Сергеевич, это Данила. Эмма...»

— Лебединская? — спросила она.

— Да. Она дала мой номер одному человеку. Я разрешил.

— Какому человеку?

Он мог сказать, что пока не знает. Это было почти правдой: с Данилой он ещё не встречался, только прочитал пересланное предложение и дважды поговорил с Эммой. Но, если сказать так сейчас, следующий разговор начнётся с того, что он утаил.

— Он фильм делает. Документальный. Про людей, которые вернулись после срока.

Тоня перестала крутить чашку.

— Про тебя?

— В том числе.

— «В том числе» или про тебя?

— Про меня, — сказал Павел.

Она посмотрела в окно. Таксы уже не было; возле того же жёлоба остановился курьер, проверяя крепление пакета на велосипеде.

— Ты согласился?

— Ещё нет. Хотел поговорить.

— Со мной?

Он помедлил.

— С ним. И с тобой тоже.

Тоня отодвинула чашку. На блюде остался тонкий полукруг кофе.

— Он знает, что у тебя есть дочь?

— Наверное, знает.

— Пап.

— Знает. В деле есть. Но я не собираюсь вас снимать.

— Ты не собираешься, а он?

Павел взял телефон и открыл сообщение. Данила предлагал встретиться в три, если удобно, адрес оставлял тот же, который передала Эмма. Вежливый человек хотел сэкономить время; никакой угрозы в словах не было.

— Я скажу, чтобы к тебе не обращались.

— Скажи. И фотографии мои не давай. Никакие. Ни школьные, ни где я маленькая. Маме я сама позвоню.

— Хорошо.

— И Никитины.

— Тонь, я понял.

Он произнёс это слишком быстро. Она сразу закрылась: выпрямилась, проверила, не забыла ли что-нибудь на столе, и взяла сумку.

— Я ведь не запрещаю тебе жить, — сказала она. — Только у меня тоже работа, ребёнок. Я не хочу, чтобы нас опять все обсуждали.

— Я могу отказаться.

Тоня посмотрела на него долгим, неприятным взглядом.

— Если решишь отказаться, откажись сам. Не делай потом из этого что-то, что ты сделал ради меня.

Он опустил глаза. Четырнадцать лет назад она бы не смогла так сказать. Ушла бы к себе, а он остался бы правым в пустой кухне.

— Ладно, — ответил Павел. — Сам решу.

Она ещё немного посидела, словно ждала, что он добавит. Он ничего не добавил.

Официантка принесла счёт. Павел достал деньги раньше Тони; она не стала спорить, только сверила сумму и показала, что кофе почему-то пробили три.

— Нам два было, — сказала она девушке.

— Извините, сейчас исправлю.

Павел бы заплатил, не заметив. Ему хотелось побыстрее закончить неприятную часть встречи, хотя именно привычка дочери посмотреть в счёт делала её сейчас ближе: вот человек напротив, усталый и внимательный к своим деньгам, а не та одиннадцатилетняя девочка, которую он так часто воображал.

На улице Тоня застегнула куртку и спросила, в какую ему сторону. Павел показал туда, где начиналась дорога к набережной.

— Мне к машине. Я на десять минут уже опаздываю.

Он заметил, что экскаватор всё ещё у него в руке.

— Это я пока у себя оставляю.

— Да. Спасибо.

Она обняла его сама. Быстро, одной рукой, потому что в другой держала телефон, но Павел успел почувствовать знакомое движение плеча. Когда Тоня отстранилась, он не удерживал её.

— Напишу, как со сменами пойму, — сказала она.

— Договорились.

Дочь пошла к машине, а он остался возле входа и проводил её взглядом до поворота. Потом достал телефон, набрал Данилу и отошёл от дверей.

Продюсер ответил сразу. Голос оказался моложе, чем Павел ожидал: живой, чуть глуховатый, с привычкой не заполнять каждую паузу.

— Да, Павел Сергеевич. Рад, что позвонили. Эмма сказала, вы пока сомневаетесь.

— Я хочу понять, что вы снимаете.

— Для этого и предлагаю встретиться. Не по телефону же всё обсуждать. Вы сможете сегодня?

— Смогу. Но сначала скажите: вы хотите, чтобы я говорил, что невиновен?

Данила не ответил мгновенно.

— А вы хотите это говорить?

— Нет. Я убил Льва.

Мимо прошли двое подростков с мороженым. Павел подождал, пока они отойдут, хотя вряд ли они услышали его или поняли бы, о ком речь.

Он помнил, как вышел из мастерской в тот июньский вечер. Ворота были открыты. Можно было повернуть к остановке, пройти мимо сломанной скамейки, вернуться домой. Надежда собирала Тоне вещи для поездки к своей матери, и по кухне должны были лежать футболки, которые опять ни во что не помещались. Он мог прийти туда без ножа и без крови, оставшись человеком, с которым Лев больше не хотел работать.

Павел вернулся в мастерскую.

— Мне не нужен оправдательный фильм, — сказал он.

— Тогда приходите и расскажите сами. У нас пока слишком много людей рассказывают за вас.

— Кто?

— Кирилл Гранов согласился на разговор. Надежда ещё думает. С Борисом Низовцевым предварительное интервью уже записали.

Павел остановился у стены. Пакет с экскаватором касался колена.

— Борис живёт здесь?

— Да. А вы не встречались?

— Нет.

— Он, кстати, сказал любопытную вещь. Что вы сами не всё знаете о том вечере.

Павел посмотрел через улицу. В витрине отражался мужчина с пакетом игрушек, плохо знакомый ему в этой одежде и с этой короткой стрижкой.

— О том, что я сделал, я знаю.

— Он говорил о том, что было после вашего ухода.

Глава 2. Человек для фильма

В комнате было душно, хотя окно стояло настежь. На подоконнике лежали две батарейки и бумажный стакан, а перед окном, заслоняя свет, висел портрет Павла.

Он узнал фотографию не сразу. Молодой мужчина смотрел чуть ниже объектива; ворот рубашки упирался в щёку, на подбородке виднелся порез. Снимок сделали после задержания, когда ему впервые дали побриться. Здесь его увеличили до размеров календаря, и порез стал похож на чужой шрам.

— Это рабочая доска, — сказал Данила, заметив, куда он смотрит. — Потом уберём.

Данила Ремизов оказался высоким, узкоплечим мужчиной с короткой бородой. Подошёл пожать руку, потом придержал дверь, пропуская Павла, и переставил с кресла рюкзак. Всё делал быстро, не суетясь; было видно, что он привык освобождать людям место в комнатах, которые ему не принадлежат.

За столом сидела Эмма Лебединская. Она была в тёмно-синем костюме и белых кроссовках, которых Павел никак не мог соединить с прежним её обликом. В суд она всегда приходила на невысоких каблуках, и он узнавал её шаги в коридоре раньше, чем видел.

— Добрый день, — сказала она. — Ты успел поесть?

— Да.

— Хорошо. Садись. Только не сюда, здесь ножка шатается.

Она перетаскала к нему другой стул. Павел машинально взглянул на перекладину неисправного и понял, что хватило бы двух шурупов.

— Починить? — спросил он.

— Не сейчас, — ответила Эмма.

Данила поставил чайник. На столе, кроме ноутбука, лежали блокнот, две папки и прямоугольный конверт без марки. Конверт был надорван сбоку. Продюсер подвинул его под блокнот, когда освобождал место для чашек.

— Ты всё ещё с чабрецом пьёшь? — спросила Эмма у Павла.

Он кивнул. Она принесла чай из своей сумки, и от этого небольшого приготовления ему стало неловко: они с Данилой явно успели поговорить о нём до его прихода, распределить, что предложить, о чём спросить и где не давить.

— Давайте сразу про дочь, — сказал он.

Данила сел напротив.

— Давайте.

— Она сниматься не хочет. И ребёнка её не снимать. Фотографии я тоже не дам.

Продюсер открыл блокнот и записал.

— С ней лично мы не договаривались. В сценарии её интервью нет.

— И чтобы из моих слов про неё не сделали...

Павел остановился. Он не знал, как называется то, чего боялась Тоня: когда её имя прозносят в одном месте, фотографию берут в другом, а потом она оказывается рядом с ним на чьём-то экране, хотя ни на что не соглашалась.

Эмма поставила чашку.

— Условия по семейным материалам мы оформим отдельно. Без письменного согласия Тони Павел не предоставляет вам её фотографии и домашнее видео. По внуку разговора нет вообще.

— Я услышал, — сказал Данила. — Это не препятствие для съёмок.

— Хорошо. Теперь остальное.

Эмма развернула к Павлу договор. Несколько мест в нём уже были помечены карандашом.

— Я посмотрела проект. Но решение о съёмках твоё. Отговаривать или уговаривать тебя здесь не моя работа.

Данила улыбнулся уголком рта.

— А моя, получается, уговаривать. Поэтому начну с того, что мне нужно.

Он повернул ноутбук экраном к Павлу. На первой странице презентации стояло название: «После срока». Ни лица, ни ножа, ни решётки не было, только пустой двор и человек вдалеке.

— Один фильм. Не серия новостей о преступлении. Человек возвращается в тот же город, где всё произошло, и пытается жить. Те, кто остался здесь, тоже пытаются. У них было четырнадцать лет, у вас было четырнадцать лет. Разные, но прошли у всех.

Павел смотрел на маленькую фигуру в глубине двора.

— Это кто?

— Не вы. Картинка для заявки.

— Но зритель подумает, что я.

— На экране этой фотографии не будет. Она нужна, чтобы объяснить настроение людям, которые дают деньги.

Эмма сделала пометку в своём экземпляре. Данила перевернул страницу.

Павел увидел собственную фамилию, имя Льва и несколько стрелок между прямоугольниками. Возле имени Кирилла было написано: «Память семьи». Возле Надежды — «Можно ли начать заново». Его собственный прямоугольник занимал вдвое больше места.

— Надежду вы уже спрашивали, можно ли ей начать заново? — спросил Павел.

Данила на секунду задержал палец над клавишей.

— Это вопрос фильма. Не вопрос, который я собираюсь задать ей дословно.

— Она уже начала. Давно.

— Значит, так и скажет.

Павел откинулся на спинку стула. Сквозь открытое окно слышались удары по металлу; где-то во дворе грузили или разгружали машину. Он надеялся, что встреча окажется обычным делом: столько-то дней, столько-то денег, вот здесь расскажите, здесь посидите. А ему показали схему, в которой Надежда ещё только должна была решить то, что решила много лет назад.

— Я не хочу просить её вернуться, — сказал он.

— Никто вас об этом не просит.

— На бумаге похоже.

Данила закрыл презентацию.

— Тогда поправим. Я вас не для галочки сюда позвал. Вы видите то, чего мы пока не видим.

Эмма посмотрела на Павла, не кивая и не улыбаясь. Он знал этот её взгляд: она давала человеку досказать и одновременно следила, чтобы за собственным раздражением он не пропустил важного.

— Сколько дней? — спросил он.

— Три основных смены на этой неделе. Подготовка, разговоры, площадка. Потом, возможно, ещё одна-две встречи, уже отдельно. Никаких скрытых камер в вашей комнате. Работа — только по согласию хозяина мастерской. Личных людей можем вообще не трогать.

— Какие деньги?

— Сто двадцать тысяч. Сорок авансом, остальное после основных съёмок.

Павел повторил сумму про себя. Это было больше, чем он заработал за три месяца у Виктора. Комната стоила семнадцать тысяч, ещё нужно было отдать за телефон, купить нормальную обувь и наконец перестать считать продукты в магазине до того, как подойдёт к кассе.

Он ощутил короткое, почти физическое облегчение. Данила его заметил. Ничего не сказал, но откинулся в кресле чуть свободнее.

— А если я посреди съёмок уйду?

— Зависит от того, что к тому моменту сделано. Мы прописали порядок. Эмма Георгиевна как раз попросила его уточнить.

— И если мне потом не понравится фильм?

Данила посмотрел на Эмму, потом снова на Павла.

— Вам может не понравиться. Я могу дать посмотреть ваши интервью до финального монтажа, исправить фактическую ошибку. Но обещать вам право запретить всё, что неприятно, не могу. Тогда это будет ваш фильм, а не мой.

Павел покрутил чашку. В чайнике плавали тёмные веточки; одну Эмма зацепила ложкой и стряхнула обратно.

— Мне уже многое не понравилось, — сказал он. — Не в вашем фильме.

Данила кивнул без сочувственного выражения. Павлу это понравилось больше, чем если бы тот начал объяснять, что понимает.

Они разобрали ещё несколько пунктов. Павел читал медленно, возвращаясь к длинным предложениям. Эмма не торопила. Когда он спрашивал, что означает формулировка, она сначала предлагала ему объяснить, как он понял сам, и только потом поправляла. Два места Данила изменил в ноутбуке прямо при них. Новый экземпляр пришлось печатать в соседней комнате, и несколько минут за стеной гудел принтер.

Пока они ждали, Павел подошёл к доске. Его фотография висела рядом со снимком мастерской. Ворота там ещё были зелёные, хотя он слышал, что их давно перекрасили. На торце здания виднелась белая полоса, оставшаяся от вывески прежнего арендатора.

Льва на доске было две фотографии. На одной он сидел в лодке, держа за воротник маленькую девочку; обеими руками она тянулась к воде. На другой стоял возле станка с чашкой в руке. Павел помнил ту чашку: тяжёлую, с синей полосой, из неё всегда пахло дешёвым кофе.

— Кто дал фотографии? — спросил он.

— Кирилл, — ответил Данила. — У них семейные материалы сохранились.

Павел смотрел на девочку в лодке. Ему захотелось спросить, где она теперь. Он удержался: Данила охотно устроил бы встречу, а Павел не знал, как заговорить с ней об отце. Спросить мимоходом тоже не получалось.

— Вы в мастерской будете снимать?

— Да. Помещение сейчас пустует. Договорились на несколько дней. Восстановим только небольшой участок, остальное не нужно.

— Актёр будет?

— На некоторые планы. Похожего на вас в молодости мы искать не собираемся. Руки, движения, общий силуэт. Если вы согласитесь показать, как всё стояло и куда вы шли, это поможет.

Павел отошёл от доски.

— Удар я показывать не буду.

— Не надо. Мы это обсуждали с Эммой.

— Со мной ещё не обсуждали.

Данила поднял обе ладони.

— Сейчас обсудили. Удара от вас не будет.

Вернувшись к столу, Павел заметил, что блокнот теперь лежит ровно, край страницы загнут вниз, а конверт из-под него больше не торчит. Он не придал этому значения: в чужой рабочей комнате почти любая бумага касалась дел, о которых он ничего не знал.

Эмма принесла распечатки. Павел прочёл изменённые пункты и подписал договор. Расписывался непривычно аккуратно, стараясь не выйти за короткую линию. Данила подписал оба экземпляра, свой сразу убрал в папку, второй оставил перед ним.

— А теперь Борис, — сказал Павел.

Продюсер подождал.

— Вы по телефону сказали, что он знает что-то после моего ухода.

Эмма перестала складывать бумаги.

— Что именно ты ему передал? — спросила она Данилу.

— Только эту фразу. Она была в предварительном разговоре.

— Покажите, — сказал Павел.

Данила не потянулся к ноутбуку.

— Я не буду сейчас показывать чужое интервью целиком. Могу позвонить Борису и спросить, готов ли он обсудить это с вами. На общей встрече всё равно придётся.

— Он опять что-то продаёт, — сказала Эмма.

Она произнесла это негромко, словно замечание относилось только к известной ей цене. Павел повернулся.

— Почему опять?

Эмма закрыла папку.

— Потому что Борис всегда знает, когда его рассказ нужен. Сначала выясним, о чём речь.

— Вы с ним недавно говорили?

— Говорила.

— Обо мне?

— О фильме.

Он увидел, что дальше она пока не пойдёт. Четырнадцать лет назад её умение вовремя закончить ответ успокаивало его: рядом был человек, способный удержать лишнее слово. Теперь он сидел с другой стороны стола.

Данила достал телефон и позвонил. Борис ответил не сразу. Продюсер сообщил, что Павел пришёл, что договорились о съёмках, и спросил про общее интервью.

Павел слышал только отдельные слова из трубки. Голос Бориса почти не изменился — тот же густой, чуть обиженный бас, будто собеседник уже задолжал ему за первые полминуты разговора.

— Нет, не по громкой, — сказал Данила. — Он просто рядом. Передать?

Он протянул телефон Павлу.

— Здравствуй, Борис.

На том конце помолчали.

— Вернулся, значит.

— В июне.

— Знаю, знаю. Видел тебя как-то. Возле магазина на Гагарина. Не стал подходить.

Павел не помнил той встречи. От мысли, что Борис уже разглядывал его где-то на улице, по спине прошло неприятное тепло.

— О чём ты хочешь рассказать?

— О чём спросят. Я теперь могу рассказывать, как было. Время прошло.

— А раньше не мог?

— Раньше людям другое нужно было.

Эмма смотрела на телефон. Данила встал и отошёл к чайнику, оставив Павлу видимость отдельного разговора.

— Мне сказали, ты знаешь что-то после моего ухода, — произнёс Павел.

— Я после твоего ухода туда пришёл. Конечно, знаю.

— Что именно?

Борис шумно вздохнул.

— Паша, ты хочешь сейчас за две минуты всё узнать и решить, нужны мы тебе там или нет? Приезжай. Я тоже потрачу время. Посмотрим друг на друга, поговорим.

— Я не решаю, кого снимать.

— Вот и правильно. Не всё тебе решать.

Он передал привет Эмме и отключился. Павел вернул телефон Даниле.

— Он чего хочет?

— Пока денег за дополнительные съёмки, — ответил продюсер. — Дальше выясним.

Эмма поднялась.

— Завтра не принимай никаких решений на площадке без паузы. Если предлагают подписать что-то новое, сначала пришли мне.

— Хорошо.

— И не начинай с Борисом ссору при включённой камере.

Она сказала это деловым тоном, но Павел задержал взгляд на её лице.

— А если он начнёт?

— Тогда хотя бы дослушай вопрос, прежде чем отвечать.

Внизу они вышли вместе. Эмма поправила ремень сумки и спросила, как прошла встреча с дочерью. Павел ответил, что нормально. По её лицу было видно: она поняла, сколько в этом слове осталось несказанного, но не стала расспрашивать.

Когда они разошлись, Павел дошёл до набережной и сел на скамью. Возле воды было прохладнее. Два мальчика делили самокат, никак не могли договориться, кто докатится до следующего фонаря. Старший предлагал правила и каждый раз менял их, когда очередь подходила к младшему.

Павел достал свой экземпляр договора. Потом положил рядом пакет с игрушкой. Бумаги едва не улетели от ветра, пришлось прижать их ладонью.

Сорока тысяч аванса хватало, чтобы отдать долги за телефон и ещё месяц не просить Виктора о лишней смене. Он попытался представить, что купит Тоне, если съёмки закончатся нормально, и оборвал эту мысль. Она сегодня уже сказала ему, что хочет. Ничего из сказанного нельзя было купить.

Позвонила Надежда.

Он узнал номер и, прежде чем ответить, убрал договор в папку.

— Да.

— Тоня сказала, ты согласился.

— Подписал.

— Понятно.

На заднем плане у неё кто-то называл цифры. Надежда прикрыла трубку, ответила, что машина ещё не разгрузилась, и вернулась к разговору.

— Я тоже буду там. В среду.

Павел смотрел на воду.

— Ты можешь не...

— Паша, я не спрашиваю. Я сообщаю. Не хочу, чтобы ты начинал удивляться при всех.

— Хорошо.

— И ещё. Если Борис станет говорить про меня, сначала спроси у меня. Не через Данилу, не через Эмму. Сам позвони и спроси.

— Что он может говорить?

Надежда замолчала. Младший мальчик наконец отнял самокат и поехал к фонарю, отталкиваясь короткими сердитыми толчками.

— Вот если скажет, тогда и спросишь, — ответила она.

Глава 3. Чужая куртка

Замок был новый, китайский, с широкой блестящей дужкой. Павел заметил его прежде, чем увидел саму дверь. Старый висел ниже, на другом ушке, и в мороз ключ приходилось греть в кулаке. Теперь прежнее ушко торчало из краски пустым; вокруг него кто-то обвёл кистью неровный квадрат.

Данила возился с ключами.

— Утром открыли без меня, потом зачем-то закрыли. Минуту.

Павел смотрел мимо него во двор. Раньше между мастерской и длинным складом стояли лодочные корпуса. Одни ждали ремонта, другие годами оставались под брезентом, потому что хозяева спорили, кому забирать. Теперь на этом месте лежали палеты с тротуарной плиткой, и из щели между ними росло тонкое деревце.

Двор казался меньше. По пути Павел боялся обратного: что пройдёт через ворота и окажется внутри того вечера, где любая вещь больше его самого. Но у склада провалилась кровля, на стене мастерской висел белый пластиковый короб вентиляции, а в бывшей сторожке сидел мужчина в наушниках и пил йогурт прямо из большой бутылки.

— Открыл, — сказал Данила.

Он придержал дверь, Павел вошёл следом и остановился.

В дальней комнате стоял Лев.

Всего на мгновение: светлая голова, плечо возле окна, серая куртка на руке. Потом мужчина повернулся, и Павел увидел незнакомое узкое лицо. Актёр был моложе Льва на той фотографии, которую вчера повесили в комнате Данилы.

— Доброе утро, — сказал он. — Я Илья.

Павел ответил не сразу. Данила взял его за локоть, но тут же отпустил.

— Сегодня только подготовка. Я предупреждал, будет дублёр на отдельные планы.

— Предупреждал.

Актёр перевесил куртку на другую руку.

— Давайте я пока уйду. Мне всё равно к Галине надо.

Он прошёл мимо, стараясь не задеть Павла, и исчез в соседнем помещении. От куртки пахло сырым шерстяным складом. Этот запах оказался гораздо сильнее сходства плеч и светлых волос; Павел невольно вдохнул ещё раз, прежде чем понял, что делает.

В мастерской за четырнадцать лет сняли перегородку. Остались два простенка и широкий проём между ними. Где стоял верстак Льва, теперь была голая стена с тёмными угольниками от шкафов. Свет провели открытым проводом, лампы висели почти под потолком. Через заднюю дверь можно было выйти на узкую полосу двора возле пустого склада, но к самой двери пришлось бы пройти мимо прежней конторы.

Контору сохранили. Небольшое окно, подоконник с выщербленным углом, труба вдоль пола. Только обои сняли до штукатурки. Дверь открывалась внутрь, к левой стене; Павел вспомнил, как Лев велел переставить петли, чтобы из-за полотна был виден входящий человек.

Данила раскрыл на столе план.

— Нам сказали, перегородка шла вот здесь.

— Здесь.

— А шкаф?

— У этого простенка. Он дверь не загораживал.

Павел показал рукой. На плане шкаф стоял ближе к углу, делая проход уже.

— Переставим, — сказал Данила. — Галина, можно вас на минуту?

Из соседней комнаты вышла женщина в джинсах и длинном кардигане. За ухом у неё торчал карандаш, на шее висели очки на шнурке. Она держала серую куртку, которую только что унёс актёр.

— Если опять шкаф двигать, зовите не меня, а сильных, — сказала она. — Я могу постоять и покомандовать.

— Пока только уточнить.

Галина выслушала, сделала на плане стрелку и показала Павлу фотографию.

— Эта куртка похожа? Не цветом, по форме. Цвет по такой копии не поймёшь.

На снимке не было лица. Край плеча, пол, серая ткань, сложенная под головой за границей кадра. Павел задержал взгляд, хотя хотел сразу посмотреть на настоящую вещь у неё в руках.

— Похожа. Тогда карманы были повыше.

— Высоту карманов я не перешибу. Куплена за тысячу двести, обратно не примут, — сказала Галина. — Рукав укоротить могу. Илья в ней совсем утонул.

— Это не моя куртка.

Она подняла глаза.

— Конечно. Ваша где-то в вещдоках, наверное, осталась. Эмма Георгиевна сказала, оригинал нам не дадут.

— Я про ту, на снимке. Она Льва.

Галина перевернула фотографию. Сзади ничего не было.

— А у меня написано «куртка Павла». Данила!

Продюсер подошёл, посмотрел на лист.

— Подпись из рабочей расшифровки. Исправьте.

— У вас потом всё так исправлять? — спросила Галина. — Мне вчера сказали четыре пуговицы, здесь пять. Я одну отпорол, а сейчас окажется, что она была нужна.

— Сколько было? — спросил Данила у Павла.

Павел посмотрел на куртку. Он помнил, как Лев застёгивал её на одну среднюю пуговицу, выходя покурить. Иногда не попадал в петлю, торопился и сердился на собственные пальцы. Сосчитать остальные Павел не мог.

— Не знаю.

— Вот и оставим четыре, — сказала Галина. — Всё равно под головой их не видно.

Павел почувствовал, как к горлу подступает тошнота.

— Вы это сегодня будете показывать?

Данила убрал фотографию.

— Нет. Сегодня разметка, свет, примерка. Если вам тяжело, выйдем.

Павел хотел сказать, что ему не тяжело. Зачем-то это представлялось важным: прийти и выдержать, раз согласился. Но Галина уже отвернулась к актёру, который появился в дверях с бутылкой воды, и разговор ушёл от него без необходимости что-то доказывать.

— Надевай. Руки опусти. Не помогай мне, я так быстрее сделаю.

Она подвернула рукав и закрепила его широкими белыми стежками. Илья стоял, глядя в потолок, пока она прикидывала длину. На другой руке куртка пока закрывала половину ладони.

— У вас потом эти нитки останутся? — спросил Данила.

— Если меня опять дёрнут на шкаф, останутся. Если дадут полчаса, уберу.

Лиза Стрелкова вошла со двора, прижимая к боку сумку. Волосы были убраны под вязаную шапку, хотя день стоял тёплый. Она поздоровалась с Павлом, назвала себя и сразу спросила Данилу, когда здесь закончат стучать.

— Что стучать?

— То, что стучит. Через стену. Пятый раз за утро узнаю: сказали, на пятнадцать минут, прошёл час.

Данила выглянул во двор.

— Сейчас спрошу.

— Спроси ещё, можно ли иногда выключать музыку. Я понимаю, без неё работа не идёт. Но у меня с ней тоже не идёт.

Она поставила сумку на стол, вытащила небольшой прибор и посмотрела на экран. Павел спросил, всё ли это нужно для разговоров.

— Для разговоров достаточно телефона, — ответила Лиза. — Для фильма почему-то всегда нужно ещё пять вещей.

Она улыбнулась ему. Улыбка была короткая, рабочая; после неё не последовало ни осторожного вопроса о прошлом, ни предложения успокоиться.

Павел спросил, давно ли она с Данилой работает.

— Третий проект. Первые два были про людей, которые выращивают овощи. Спокойные, как выяснилось, люди.

— Овощи?

— Люди. Овощи я не проверяла.

Он усмехнулся. Лиза поднесла наушник к уху, послушала, поморщилась и снова стала перекладывать провода.

В соседнем помещении актёр снял куртку. Галина повесила её на отдельные плечики, к крючку привязала узкую бумажную бирку.

— Серая одна, — сказала она Даниле, вернувшемуся со двора. — Если будете пачкать раньше, чем скажу, второй не будет. Рядом висит моя, её не брать. Она другого цвета, но вы умеете не замечать.

Рядом действительно висела тёмно-зелёная куртка, чуть короче серой. Под вешалкой стоял большой чёрный чехол с белой полосой по боку, похожий на мешок для сложенной палатки. Молния была открыта, внутри виднелись свёрнутые отрезки ткани.

— Откуда мешок? — спросил Данила.

— Кирилл дал. Сказал, для паруса был. Удобный, только пахнет рекой.

Павел повернулся к окну.

Кирилл Гранов стоял возле белого фургона. Он был в рабочей рубашке с закатанными рукавами и разговаривал с женщиной из сторожки. В волосах появилась проседь, лицо вытянулось, но широкое движение руки осталось прежним: он объяснял что-то, рисуя ладонью в воздухе длинный прямоугольник.

Павел отступил от окна, а потом заставил себя вернуться. Кирилл уже смотрел в его сторону.

Они встретились у наружной двери. Данила шёл следом, собираясь представить их друг другу, и вовремя остановился.

— Здравствуй, — сказал Павел.

Кирилл посмотрел на его лицо, потом на руки.

— Работаете здесь теперь?

— Нет. В другом месте.

— Понятно.

Он перевёл взгляд на Данилу.

— Я склад освободил, как просили. До пятницы можете держать железо у меня. Потом люди свои катера загонять начнут, места не будет.

— Спасибо. Мы должны успеть.

— Ты и на прошлой неделе должен был.

Данила что-то ответил про перенос, актёра и аренду света, но Кирилл уже не слушал. Он смотрел через Павла на дверь конторы.

— Там дверь была другая.

— Полотно меняли, — сказал Павел. — Петли на том же месте.

Кирилл повернул голову.

— Тебя никто не спрашивал.

Павел почувствовал, как напряглись плечи. За четырнадцать лет он научился слышать, когда разговор ещё можно оставить. В прежней жизни ему всё время казалось, что оставить — значит проиграть.

— Хорошо, — сказал он и отошёл к стене.

Данила заговорил о съёмке общей встречи. Кирилл перебил:

— Вместе сидеть я не буду. Если вам нужны два лица в кадре, снимите отдельно и поставьте рядом. Вы это умеете.

— Я ничего не собираюсь подделывать.

— Пока.

Из помещения выглянула Галина.

— Кирилл, у тебя нет обычной отвёртки? Не этого шуруповёрта, который всё сносит, а отвёртки.

Он спросил какую, пошёл к фургону и принёс две. Галина выбрала плоскую.

— Только потом верни в ящик, — сказал он. — У меня они сами из карманов не выходят.

— Верну. И мешок тоже верну.

Кирилл кивнул. Павел смотрел на их короткий обычный разговор, на оставшуюся отвёртку в его руке, и вспоминал, как тот приезжал к Льву по пятницам: всегда что-нибудь привозил, забирал, ругался из-за неправильно сложенного инструмента. Кирилл принадлежал этому двору и без той смерти. Павел раньше почти никогда об этом не думал.

— Я могу на минуту? — спросил он, когда Данила отошёл к телефону.

Кирилл посмотрел на него.

— Можешь.

Павел не знал, как начать. Несколько раз в колонии он составлял письмо, потом рвал. Одно отправил через Эмму и не получил ответа. Сейчас всё, что он за эти годы придумал, звучало заранее приготовленным.

— Я писал тебе.

— Читал.

— Я не прошу...

Кирилл поднял руку с отвёрткой, остановив его.

— Паша, я не буду помогать тебе это произнести.

Павел замолчал.

— Все эти ваши слова про то, что не просишь прощения, потому что понимаешь. Я понял. Ты понимаешь. Мне от этого что?

С соседнего склада донёсся удар металла о металл. Кирилл раздражённо посмотрел туда, словно шум мешал ему закончить совершенно деловой разговор.

— У меня брат был. Он мне звонил, когда не мог понять, куда деньги с карточки делись. Я ему говорил: посмотри, что вчера покупал. Он сердился, потом перезванивал и смеялся. Ты не обязан это помнить, ты всего этого не знал. Только они теперь собираются про тебя два часа показывать, а Лев опять будет человеком на полу.

— Я видел фотографии. Ты дал хорошие.

Кирилл уставился на него.

— Хорошие?

Павел понял, что сказал, слишком поздно.

— Я не так...

— Не надо.

Кирилл убрал отвёртку в карман и закурил. Прикрыл огонь ладонью, затянулся и отошёл на шаг, выпуская дым в сторону от двери.

— Хочешь что-нибудь сделать — не рассказывай, что вы оба тогда потеряли жизнь. Он потерял. Ты сейчас здесь стоишь.

— Я этого не говорил.

— Значит, не говори.

Он пошёл к складу, а Павел остался у двери. Через несколько минут музыка за стеной выключилась. Лиза показала из окна большой палец, не зная, кого благодарить.

До обеда они передвинули шкаф и стол, отметили прежнее место верстака. Павел помогал, потому что иначе не знал, куда себя деть. Галина закончила рукав и выдернула белые стежки, наматывая нитку на палец. На обшлаге остались маленькие отверстия.

— Теперь только не трогать, — сказала она и снова повесила куртку отдельно.

Павел спросил, можно ли посмотреть на фотографию ещё раз. Галина дала ему лист, взявшись за самый край.

Снимок был обрезан тесно. Голова Льва оставалась за границей изображения, но Павел всё равно знал, в какую сторону повернуто лицо. Куртка лежала под ним сложенная, воротником наружу. У стены виднелся кусок плинтуса и тёмное пятно, которое на плохой копии могло оказаться чем угодно.

Он помнил куртку на крючке. Не каждую складку, не положение рукава; помнил, как задел её плечом, уходя. Что произошло дальше, знал только из чужих слов и этих изображений.

— Это вам Данила дал? — спросил он.

— Эмма принесла пакет. Данила выбрал, что нам нужно. Я лишнее не смотрела.

— А подпись кто сделал?

Галина пожала плечами.

— Распечатали мне уже так. Хотите, сейчас ещё раз исправлю?

— Нет. Вы исправили.

Он вернул фотографию.

Лиза собирала провода. Ей наконец дали записать тишину помещения, и теперь она была заметно добрее ко всем присутствующим. Павел спросил, зачем записывать то, чего нет.

— А вы послушайте, — сказала она и протянула ему наушники.

Он надел. Сначала ничего не изменилось. Потом зашуршало что-то совсем рядом, низко загудело, вдалеке хлопнула дверь. Павел обернулся, хотя дверь на записи хлопнула несколько минут назад.

— Видите? — сказала Лиза. — Здесь своей жизни полно. Просто вы её обычно не слушаете.

Он снял наушники. В голой мастерской шумело и без них: шевелилась плёнка на окне, по двору шли люди, кто-то уронил гаечный ключ. Из конторы появился Данила с телефоном у уха и попросил всех подождать.

— Борис завтра приедет, — сообщил он. — После обеда. Основное интервью в четверг, как договорились, а завтра хочет кое-что показать.

— Что? — спросила Галина.

— Пока не сказал.

Лиза застегнула сумку.

— Люблю людей с сюрпризами. Особенно когда всё уже разложили.

Павел увидел Кирилла в дверях склада. Тот слышал сообщение, но ни о чём не спросил. Повернулся, взял с земли тяжёлую бухту верёвки и унёс внутрь.

Глава 4. Слова Бориса

Борис привёз нож в обувной коробке.

Поставил её на стол, снял крышку и вытащил сложенное кухонное полотенце. Павел увидел деревянную рукоятку, и всё, что он собирался сказать при встрече, исчезло.

— Не тот, — предупредил Борис. — Такой же. У меня комплект был, ещё с рынка. Я вспомнил, что один остался.

Данила взял его за запястье прежде, чем Борис успел развернуть полотенце.

— Убери.

— Что ты хватаешь? Я показать привёз.

— Показал. Заверни и убери. На площадке это не нужно.

Борис посмотрел на него, потом на Павла и медленно завернул нож. Положил обратно в коробку, пригладил сверху полотенце и накрыл крышкой.

— Сразу бы говорил, что вам правда не нужна.

— Нам на столе не нужен настоящий нож, — сказал Данила. — Это разные вещи.

Галина забрала коробку, не дожидаясь продолжения, и спросила, где Борисова машина. Он недовольно протянул ключ. Через минуту она вернулась, положила ключ перед ним и сказала, что коробка в багажнике.

— Там и оставь, — добавила Галина. — Я детям тоже не даю трогать, хоть все уверяют, что только посмотреть.

Борис хотел ответить, но в это время вошла Надежда.

Павел слышал её шаги, пока она ещё шла через двор. Узнал по короткой остановке у двери: Надежда всегда проверяла, не цепляется ли сумка за ручку. Она была в длинном тёмном пальто, с убранными назад волосами; у виска виднелась седая прядь, которую на фотографии в Тонином телефоне он прежде принимал за свет.

— Здравствуйте, — сказала она всем сразу.

Павел ответил вместе с остальными. Надежда взглянула на него, не улыбнулась и не отвернулась. Просто отметила, что он здесь, и подошла к Галине узнать, куда можно повесить пальто.

Борис поднялся.

— Надюш, сколько лет.

— Мы виделись весной.

— Так я про здесь. Здесь сколько лет не виделись.

Он развёл руки, но она уже снимала пальто. Пришлось опустить их и сесть обратно.

Данила представил Эмму, Лизу, актёра Илью, хотя почти все уже знали друг друга. Кирилл должен был подойти позже; с утра у него разгружали лодочный прицеп. Павел помог Надежде повесить пальто, потому что крючок оказался высоко. Она сказала спасибо так, как сказала бы любому мужчине, стоявшему рядом.

Борис разложил на столе фотографии. Снимки были разного размера, некоторые с датами в углу, другие отпечатаны совсем недавно. На одном Павел узнал себя возле лодочного мотора. Он сидел на корточках, придерживал рукой кофух, а Лев стоял за его спиной и что-то говорил. Павел не помнил, кто их снимал.

— Вот, — сказал Борис, постучав пальцем по снимку. — Нормальные люди были. Работали. Ничего такого не видно.

— А должно быть видно? — спросила Надежда.

— Я к тому, что никто не ожидал.

Она не ответила. Взяла другую фотографию, где Тоня стояла возле доски с шахматными задачами, и перевернула лицом вниз.

— Эту не берите. Она просила.

Данила кивнул Галине, и та отложила снимок отдельно. Борис потянулся за ним.

— Я же не для плохого. Тут ребёнок с грамотой.

— Всё равно не берите, — повторила Надежда.

Павел хотел поддержать её, сказать, что они уже договорились, но Надежда справилась без него. Борис убрал фотографию в свой конверт и раздражённо загладил отогнутый угол.

Лиза попросила всех по одному сказать несколько слов. Борис сразу начал рассказывать, где работал в одиннадцатом году. Она остановила его: пока только проверяли звук.

— А, — сказал он. — А я уже начал.

— Я заметила.

Он усмехнулся и стал ждать, постукивая пальцами по столу. На среднем пальце у него был большой сустав; когда рука раскрывалась, палец не выпрямлялся до конца.

Павел помнил этот палец. Борис когда-то прищемил его створкой ворот, потом всем показывал, как тот плохо сгибается, и требовал открыть за него бутылку. Сейчас это воспоминание пришло так ясно, что Павел на секунду перестал видеть нож в коробке. Перед ним сидел знакомый человек с привычной мелкой жалобой, постаревший и располневший, но вполне живой.

Данила сел за камеру и объяснил, что сегодня они поговорят предварительно, а завтра снимут каждый рассказ отдельно. Никого не собирались сводить в споре нарочно. Борис посмотрел на Павла.

— А зачем тогда все здесь?

— Чтобы уточнить порядок, посмотреть фотографии, решить, кто на что согласен.

— Это можно было по телефону. Вы же хотите, чтобы мы вспомнили.

Данила помедлил.

— Хочу. Но если кому-то нужно выйти, он выходит.

Надежда сразу выбрала стул ближе к двери.

Борис рассказал, как по вечерам закрывал склад, как Лев иногда оставался после работы. Говорил с удовольствием, обстоятельно, постоянно возвращаясь к тому, что люди теперь забывают прежний порядок. Тогда, по его словам, каждый знал каждого, а если кто-то приходил во двор чужой, его сразу спрашивали к кому.

Павел вспомнил, как они неделями не могли найти владельца красной лодки, поставленной поперёк ворот. Всё было не так стройно, как рассказывал Борис. Однако перебивать из-за этого он не стал.

— В тот вечер я задержался, — продолжал Борис. — Мог ведь уйти раньше. Жена звонила, просила за хлебом зайти. Я сказал, сейчас закончу.

— Во сколько это было? — спросил Данила.

— Я потом всё давал, там в деле есть. Сейчас по минутам не скажу. Не хочу придумывать.

Эмма чуть повернула голову. Борис заметил и усмехнулся.

— Правильно, Эмма Георгиевна? Вы меня этому и учили.

— Я задавала конкретные вопросы. Твои ответы записаны.

— Вот именно.

Он рассказал, что видел Павла возле машины. Что Лев в это время ещё оставался в мастерской. Потом заговорил о крике, но Данила остановил его и спросил, откуда он слышал.

— Из конторы склада. Там окно сюда. Раньше не было этих палет.

Павел смотрел на его рот и ждал слов, которых прежде не слышал. Но Борис повторял знакомое: голоса, хлопок двери, тишина, человек, идущий через двор. О том, что было после, он говорил всё осторожнее, словно подходил к товару, который не собирался отдавать вместе с остальным.

— Вы сразу зашли в мастерскую? — спросил Данила.

— Не сразу. Я ведь не знал, что произошло. Подумал, опять поругались.

— Опять? — переспросил Павел.

Борис посмотрел на него.

— А вы не ругались?

— Ругались.

— Ну и что тогда?

Павел кивнул. Он сам не понял, зачем зацепился за это слово. Может быть, потому, что до сих пор хотел оставить себе хотя бы один день, в котором всё случилось отдельно от его остальной жизни.

Надежда села глубже на стуле. Пальцы у неё лежали на ремне сумки, и она медленно протягивала его через пряжку туда и обратно.

— Можно я покажу одну бумагу? — спросил Борис.

Данила остановил камеру. Лиза опустила наушники на шею. Борис вытащил из внутреннего кармана сложенный лист, плотный, пожелтевший на сгибе.

Надежда перестала двигать ремень.

— Я просила его вернуть.

— Я и возвращаю.

— Сейчас убери, — сказала она.

Борис развернул лист не полностью. Павел увидел несколько строк, написанных знакомым наклонным почерком. Разобрал только начало: «Если он опять...»

Надежда встала, подошла к столу и положила ладонь на бумагу.

— Борис, мы об этом говорили. Ты сказал, что дома не нашёл.

— Теперь нашёл.

— Отдай.

Борис не выпускал край. Данила поднялся и подошёл ближе.

— Если это личная переписка, мы без отдельного обсуждения не снимаем.

— Уже не снимаете, — сказала Надежда.

— Да. Камера выключена.

Она посмотрела на Лизу. Та коротко кивнула и показала свой прибор.

Борис наконец отпустил лист. Надежда сложила его, убрала в сумку и вернулась к стулу. Павел ждал, пока она посмотрит на него, но она смотрела на стену.

— Что это было? — спросил он.

— Моё письмо.

— Ему?

— Ему.

Борис развёл руками.

— Я тут ни при чём. Меня просили помочь, я помогал.

— Так и помогай, — сказала Эмма. — Не используй бумагу, которую тебя просили вернуть, чтобы устроить сцену.

— А вы за меня не решайте, Эмма Георгиевна. Вы один раз уже решили, как мне удобнее сказать.

Она посмотрела на него очень спокойно.

— Это обвинение?

— Это память.

Павел поднялся. Стул задел ножкой неровность пола и громко стукнул.

— Борис, ты можешь один раз сказать прямо, чего хочешь?

— Чтобы вы перестали со мной разговаривать как с дураком.

— Никто не...

— Все. Каждый по отдельности приходит, объясняет, как будет правильно. Надя одно, Эмма другое, Данила третье. Теперь ты вернулся. И тебе тоже надо, чтобы я что-нибудь сказал правильно.

Павел упёрся ладонями в край стола. Борис поднял подбородок, и расстояние между ними стало совсем небольшим.

— Мне надо, чтобы ты не трогал Тоню, — сказал Павел.

— А ты её трогал? Когда уехал на четырнадцать лет, подумал о ней?

Данила встал между ними, повернувшись к Павлу боком.

— Всё. Давайте выйдем.

Павел не сразу убрал руки. Он видел близко Борисов рукав, нитку на манжете, старую мозоль возле большого пальца. В голове уже не было слов, оставалось желание заставить его отодвинуться, замолчать, хотя бы на секунду перестать смотреть снизу вверх с этим выражением.

Надежда произнесла его имя.

Павел отступил. Стол остался на месте. Борис не был задет.

— Я выйду, — сказал Павел и пошёл во двор.

У фургона стоял Кирилл. Он слышал последние реплики через открытую дверь, но ничего не спросил. Павел прошёл мимо, дошёл до пустого угла двора и остановился возле палет.

Руки дрожали. Он сунул их в карманы, потом вытащил обратно: от сжатых кулаков становилось только хуже.

Через несколько минут вышла Надежда.

— Я ведь сказала: позвони и спроси. Ты даже до телефона не дошёл.

— Что в письме?

Она посмотрела на него, потом вытащила из сумки сложенный лист.

— Возьми. Прочитай.

Павел развернул.

Записка была короткая. Надежда просила Бориса, если Павел снова придёт пьяный и начнёт кричать, не выяснять ничего, а отвезти её с Тоней к знакомой. Адрес был приписан ниже. В конце стояло: «Паше пока не говори. Я сама скажу, когда соберусь».

— Это до? — спросил Павел.

— За две недели.

Он снова посмотрел на строки. Помнил ту весну: неудачный заказ, деньги за материалы, которые они не могли вернуть, бесконечные разговоры со Львом. Помнил, как приходил домой, а Надежда спрашивала, сколько он выпил, и его раздражал сам вопрос. Ему тогда казалось, что дома обязаны сначала дать поесть, выслушать, признать, как ему трудно, и только потом чего-нибудь требовать.

— Я не знал, что ты к нему ходила.

— Поэтому и написала «пока не говори».

Павел протянул записку. Надежда убрала её обратно в сумку.

— Ты собиралась уйти.

— Да. Я бы ушла, Паша. То, что случилось потом, этого не отменяет.

Он кивнул, глядя на светлый квадрат пыли, оставшийся на её ладони от бумаги.

— Борис почему не отдавал?

— Говорил, потерял. Весной позвонил, сказал, что разбирает старое. Хотел встретиться. Я приехала, а он начал расспрашивать про тебя. Тогда я ещё не знала про фильм. Потом он понял, что на этой бумаге можно сделать ещё один разговор.

— Деньги просил?

Надежда помолчала.

— Прямо — нет. Говорил, трудно живёт, всем помогает, а о нём никто не думает. Я не стала ему давать. Может, зря. Не было бы сегодняшнего.

— Не зря.

Она посмотрела на него.

— Ты его сейчас видел, Паша. А я тогда слушала и никак не могла уйти.

Они постояли рядом. За стеной кто-то рассмеялся, потом послышался голос Галины: она требовала освободить проход. Надежда застегнула сумку и спросила, собирается ли Павел возвращаться.

— Сейчас.

— Я еду. У меня работа.

Он хотел предложить вызвать такси, но она уже доставала ключи от машины.

— Спасибо, что показала, — сказал он.

— Только потом не говори, что мы до того вечера хорошо жили, — ответила Надежда и пошла к воротам.

Когда Павел вернулся, Борис говорил по телефону в дальней комнате. Эмма уехала. Данила сидел у окна, просматривая что-то на ноутбуке. Увидев Павла, закрыл крышку.

— На завтра всё в силе?

— Да.

— Тогда к двум. Утром снимем Бориса, потом вас.

— Ты это снял?

Данила не сделал вид, что не понимает.

— Начало разговора. До бумаги. После камеру не включал.

— А ссору?

— Нет.

Павел посмотрел на Лизу. Она подтвердила:

— Тоже нет. Но слышали все.

— Знаю.

Борис вышел из комнаты и спросил, остался ли чай. Галина показала на чайник. Он налил себе, сунул руку во внутренний карман за телефоном и остановился, увидев Павла.

— Завтра поговорим нормально, — сказал он. — Без женщин. Я кое-что тебе объясню.

— Не всё, что тебе говорят женщины, надо потом объяснять мужчинам, — отозвалась Галина, не поднимая головы от шитья.

Лиза фыркнула. Борис посмотрел на них, махнул рукой и сел у окна.

Павел собирался уйти, когда Кирилл появился в дверях конторы.

— Ты обещал фотографии вернуть, — сказал он Борису.

— Какие?

— Мои. С лодкой. С девочкой.

— Даниле отдал, он сканировал. Сейчас заберу.

Кирилл не двигался. Борис осторожно поставил чашку и пошёл к столу продюсера. Пока тот искал нужный конверт, Павел увидел, как у Кирилла напряглась челюсть.

— И не говори больше, что я согласен, — сказал Кирилл.

Борис повернулся.

— На что?

— Ты знаешь.

Данила протянул конверт. Кирилл проверил снимки прямо у двери, перелистывая по одному, потом убрал во внутренний карман рубашки.

— Завтра приедешь? — спросил продюсер.

— Приеду.

Кирилл вышел. Борис подождал несколько секунд, допил чай и тихо сказал:

— Вот этот человек меня когда-нибудь до ручки доведёт.

Галина попросила его поднять чашку с выкройки. Павел взял свой экземпляр расписания и пошёл к выходу, оставив их спорить о пятне на бумаге.

Глава 5. Как на снимке

В четверг Борис приехал раньше всех и занял кресло возле окна, которое Галина приготовила для интервью. Когда Павел вошёл, тот уже сидел с микрофоном на рубашке и рассказывал Даниле о первом собственном автомобиле.

— Вы это тоже хотите? — спросил Борис, заметив Павла. — Или только когда кого убили?

Данила не ответил на поддёвку. Попросил вернуться к разговору со Львом за несколько дней до его смерти.

Павел остановился в дверях. Лиза показала ему, чтобы прошёл дальше молча: запись шла. Он двинулся вдоль стены, стараясь не задеть кабель, и сел возле вешалки.

— Лев уходить хотел, — говорил Борис. — Это я знаю. Совместно они больше работать не могли. У Льва заказы свои пошли, другие деньги. А Паша считал: это я всё поднял. Значит, и расходиться нельзя.

Павел смотрел в пол. Возле ножки стула лежала короткая белая нитка, оставшаяся после примерки во вторник.

— Лев вам сам это сказал? — спросил Данила.

— Про заказы — сам. Про Пашу я и без него видел.

— Давайте разделим. Что говорил Лев?

Борис поёрзал в кресле.

— Что устал. Что каждый разговор как будто он отчитывается. Ну и деньги. Там суммы не сходились, оба друг друга подозревали.

— Но вы не знаете, кто был прав?

— Я знаю, кто остался живой.

Павел поднял голову. Данила не стал сразу задавать следующий вопрос, оставил Борису время. Тот посмотрел в сторону камеры, выпрямил спину и сказал уже спокойнее:

— Я не бухгалтер. За деньги отвечать не буду. А Льва я видел после.

Лиза чуть повернула регулятор на своём приборе. Павел не знал, что изменилось в звуке, но заметил это движение так отчётливо, словно оно было причиной наступившей тишины.

— Вы можете рассказать, как вошли? — спросил Данила.

Борис снял очки. Протёр их краем рубашки, надел и снова снял.

— Дверь была приоткрыта. Я думал, он собирается. Свет горел, радио играло. У него тогда маленькое было, на батарейках. Шипело всё время.

— Где он находился?

Борис показал вниз, хотя контора была в соседней комнате.

— Возле стены. Я сначала ему сказал: Лев, ты что? Как будто он мог ответить, что просто лёг. Потом увидел.

Данила ждал.

— Я вызвал скорую. Всё. Дальше они приехали.

— Между звонком и приездом вы оставались рядом?

— Оставался.

— Что вы делали?

Борис посмотрел на Павла. Взгляд задержался, потом вернулся к Даниле.

— Можно паузу?

Лиза остановила запись. Борис встал, поправляя рубашку, и попросил снять с него микрофон. Когда Лиза подошла, он дёрнул провод сам, не дождавшись, пока она освободит прищепку.

— Не рви, — сказала она. — Я сейчас.

— Да ничего с ним не будет.

— С ним будет, со мной потом тоже будет. Дай.

Она сняла микрофон и подставила ладонь под передатчик. Борис отдал его не сразу, рассматривая, как устроена крышка, потом протянул и пошёл во двор.

Данила проводил его взглядом.

— Павел Сергеевич, вам, наверное, лучше пока там подождать. Мы ещё не закончили.

— Хорошо.

Павел вышел следом, но Борис уже разговаривал с Эммой возле её серого хэтчбека. Она стояла за открытой дверью, держа сумку обеими руками. Борис показывал что-то в телефоне. Увидев Павла, он убрал аппарат и отступил от машины.

Эмма спросила, во сколько Павла обещали снимать. Он ответил, что, видимо, позже.

— Я к половине четвёртого вернусь, — сказала она. — Номер мой у тебя есть.

— Ты сегодня что-нибудь скажешь сама?

Она поправила ворот жакета.

— То, что могу сказать. Если у них вопросы о твоей защите, сначала обсуждаем с тобой, что именно и зачем. Просто пересказывать наши разговоры я не буду.

Борис хмыкнул.

— Правильная работа. Слышишь всё, а рассказывать ничего не надо.

— Иногда очень жалею, что слышу всё, — ответила Эмма и села в машину.

Борис подождал, пока она выедет со двора, затем повернулся к Павлу.

— Ты на меня вчера налетел, а я, между прочим, тебе жизнь облегчил. И не раз.

— За что спасибо сказать?

— Сам подумай.

— Борис, хватит.

— Вот именно. Хватит. Люди сначала пользуются, а потом делают вид, что всё сами. Ты хоть понимаешь, сколько вещей можно рассказать по-разному?

Павел посмотрел на его рубашку. Ворот был влажный, под мышками темнели пятна. Борису действительно было тяжело вспоминать Льва; это Павел видел. Но тот умел почти сразу превратить тяжесть в чужой долг перед собой.

— Ты тогда скорую вызвал, — сказал Павел. — Я не вызвал. За это тебе спасибо.

Борис открыл рот и закрыл. Несколько секунд стоял молча, потом сунул руки в карманы.

— Не за это мне твоё спасибо нужно.

— А за что?

— После поговорим.

Он пошёл к двери. На полпути остановился возле Кирилла, разгружавшего фургон. Павел видел их сбоку, но слов не слышал. Кирилл выпрямился, Борис положил ему руку на плечо; тот сразу снял её и вернулся к ящику.

День тянулся с задержками. У Ильи было ограничено время, и часть работы с ним перенесли вперёд. Вчера Данила объяснил: лицо дублёра в фильм не попадёт, нужны только руки, шаги, плечо возле двери. Сегодня Илья снял серую куртку и изображал уже Павла; настоящего Павла попросили показать, где стоял его ящик и как открывалась дверь конторы. Он показал. В руках актёра была безопасная имитация ножа, но Павел всё равно смотрел только на стол, пока тот репетировал движение. Галина велела Илье встать немного иначе: плечом он загораживал свет.

— Вы же не будете показывать, будто я случайно на него наткнулся, — сказал Павел Даниле.

— Не будем.

— Тогда почему он всё время отступает?

Продюсер посмотрел на Илью и попросил начать иначе. Актёр выслушал, кивнул, вернулся на место. Павел вышел из конторы до следующего повтора.

Надежда приехала после четырёх. Вместо пальто на ней была короткая куртка; под мышкой она несла прозрачную папку. Павлу сказала только, что привезла копию Тониного заявления: её детские фотографии в фильме использовать нельзя. Данила ещё вчера просил такую копию. Лиза нашла для Надежды ручку.

Борис снова сел в кресло. Теперь рассказывал охотнее. Когда Павел прошёл мимо, он как раз объяснял, что всегда старался удерживать людей от глупостей, но люди редко слушали вовремя.

Павел сел в соседней комнате и позвонил Виктору. Нужно было сказать, что сегодня он уже не придет. Хозяин мастерской выслушал, спросил, не собирается ли Павел теперь зарабатывать на кино, и сообщил, что шкаф они закончили без него.

— Я в субботу выйду, — сказал Павел.

— Выйдешь. Только заранее говори. Я человеку обещаю время, а потом стою один с дверью.

Павел извинился и убрал телефон.

Около пяти они наконец записали его короткий разговор с Данилой. Продюсер спросил о первом дне после освобождения, о комнате, о работе. Павел рассказал, как не смог оплатить проезд телефоном и как молодая женщина приложила свою карту, не выслушав его объяснений. Рассказ вышел смешнее, чем было на самом деле. Данила улыбнулся, попросил повторить последнюю фразу, и со второго раза она прозвучала уже приготовленной.

— Первый оставь, — попросил Павел.

— Посмотрим.

Когда закончили, Лиза сняла с него микрофон. Он спросил, можно ли идти.

— Ещё общий разговор хотели, — сказала она. — Но если они будут так друг с другом, никакого общего не получится.

Данила разговаривал в коридоре по телефону. Услышав свой голос из маленького динамика, Павел обернулся: на столе стоял ноутбук, Лиза проверяла записанный кусок. На экране он сидел боком, сутулился, теребил край рукава и выглядел гораздо старше, чем в зеркале хозяйкиной ванной.

Он попросил выключить.

Лиза закрыла окно просмотра, не задавая вопросов.

Галина возилась с серой курткой. На последнем повторе оторвалась нижняя пуговица. Прежнюю закатали под шкаф, и искать её никто не хотел; Галина нашла в коробке тёмно-синюю, приложила к ткани и сказала, что в сложенном виде разницы не будет.

— Потом замену. Всё равно ещё доснимать.

Павел видел, как она вдевала нитку, сердито шурясь без очков, и как Надежда, проходя мимо, молча подала их ей со стола. Он отвернулся к окну. Кирилл разговаривал у ворот с человеком из сторожки. Данила всё ещё не закончил звонок.

Галина пришила пуговицу и повесила куртку на прежние плечики.

— Я на десять минут выйду, — сказала она Лизе. — Ничего не уносите. Особенно в этом мешке, он не наш.

Лиза кивнула, не отрываясь от экрана своего прибора.

Борис появился в дверях и позвал Надежду. Она не пошла сразу. Посмотрела на Павла, потом сказала Борису, чтобы говорил здесь.

— Я тебе бумагу одну покажу. Не при всех же.

— Ты вчера уже показал.

— Надя, две минуты.

Она всё-таки пошла за ним в контору и сама закрыла за собой дверь. Павел остался сидеть. Вчера она велела спрашивать прямо, но сейчас его никто не звал. За стеной говорили всё громче. Павел уже упёрся ладонями в сиденье, собираясь встать, затем убрал руки.

Лиза подняла сумку.

— Я в машину. Надо одну вещь принести. Даниле, если спросит, скажи, что сейчас буду.

В помещении остался Павел. Из конторы слышались голоса, слов он не разбирал. На столе лежала раскрытая Борисова папка; Павел встал, подошёл к ней и тут же остановился. Он мог посмотреть. Мог потом сказать, что лист лежал перед глазами. Вместо этого перевернул ближайшую фотографию лицом вниз, чтобы перестать смотреть на её край, и вышел во двор.

Телефон показывал без семи шесть. Тоня прислала короткое сообщение: «Сегодня не звони, поздно освобожусь». Он ответил: «Хорошо». Потом дописал, что фотографий её никто не берёт, но стёр это. Она уже сама позаботилась, прислав через Надежду бумагу.

Павел сел на низкий бетонный бортик возле ворот. Во дворе пахло мокрым деревом, хотя дождя не было: человек из сторожки поливал пыль из шланга. Вода собиралась в колее, несла к решётке маленькие куски упаковочной ленты. Бетон охлаждал сквозь брюки; Павел подложил ладони и вскоре отнял — пальцы тоже начали зябнуть.

Надежда вышла через несколько минут. Прошла быстро, почти не глядя по сторонам. Павел поднялся.

— Всё нормально?

— Нет. Но я разберусь.

Она остановилась возле своей машины и достала телефон. Позвонила кому-то, не отходя от открытой двери. Павел снова сел. Он слышал, как она сказала: «Мне нужно сегодня, не завтра», потом повернулась спиной, и дальше слов уже не было.

Данила появился у ворот, махнул Павлу, чтобы подождал, и пошёл к припаркованной снаружи машине. Лиза стояла возле неё, держа в руках небольшой чёрный футляр. Они заговорили. Продюсер посмотрел на телефон, выругался и снова куда-то позвонил.

Время шло. Данила куда-то отошёл от машины; Лиза открыла багажник и наклонилась над сумками. За воротами притормозил серый хэтчбек, похожий на Эммин, затем скрылся за торцом длинного склада. Павел подождал, но оттуда никто не появился. Может, машина была чужая; номера он не разглядел. Вскоре он перестал следить и за воротами, и за Лизой у багажника. Думал о Викторе, который сейчас один заносит готовые полки в машину. В субботу нужно будет явиться пораньше, помочь выгрузить, не начинать с объяснений. Сорок тысяч на счёт уже пришли, но от этого он не перестал быть человеком, обещавшим выйти на работу.

Когда Кирилл подошёл к нему, Павел уже собирался уходить без общего разговора.

— Ты ещё здесь? — спросил Кирилл.

— Жду, пока закончат.

— Они не закончат. Им всегда ещё немного надо.

Он поставил рядом с бортиком чёрный чехол с белой полосой. Чехол был наполовину заполнен и лежал неровно, с длинным жёстким выступом у молнии.

— Это Галина просила оставить, — сказал Павел.

— Это мой. Она своё вытащила.

Кирилл подхватил чехол и понёс к фургону. Павел увидел, что край белой полосы отходит от ткани, но не стал советовать, чем приклеить.

Через минуту Кирилл вернулся. Сел на бортик с другого края, достал сигареты, подумал и убрал их обратно.

— Борис с ней опять торговался? — спросил он, кивнув в сторону Надеждиной машины.

— Не знаю.

— Она же выходила.

— Мне не сказала.

Кирилл посмотрел на Павла, словно проверяя, правду ли тот говорит, но ничего не добавил. За воротами Данила закончил звонок и наконец пошёл к ним. Лиза осталась возле машины, пряча футляр в сумку.

— Всё, можем собираться, — сказал продюсер. — Общий разговор переносим. Сегодня уже бесполезно.

Кирилл поднялся.

— Давно пора.

Павел пошёл за своей курткой. Данила задержался у ворот поговорить с Надеждой; её голос сразу стал громче. Кирилл остался рядом с фургонном.

В мастерской было тихо. На вешалке висела только зелёная куртка Галины. Серой не было. Павел взял свою с крючка возле окна и услышал, как Лиза окликнула Бориса из коридора.

— Борис Михайлович, вы передатчик мой не забирали? Не могу найти.

Ответа не было.

— Борис?

Она постучала в дверь конторы, подождала и вошла. Через секунду появилась в коридоре с телефоном. Павел услышал, как она назвала адрес, и только тогда выпустил из руки рукав своей куртки.

— Павел.

Он повернулся. Лиза не кричала, но сумка соскользнула с её плеча и тяжело ударилась о пол.

— Подойди.

Павел подошёл к двери. Лиза держала телефон возле рта, другой рукой показывая ему вниз.

Борис лежал возле стены, в тех самых очках, через которые смотрел на Павла во время записи. Одна дужка теперь торчала выше другой. Под головой серела сложенная куртка. На светлой рубашке, сбоку от середины груди, темнело пятно.

Первое, что Павел подумал: опять снимают. Эта мысль держалась меньше секунды и всё равно успела показаться выходом. Потом он увидел Борисовы глаза, неподвижную щёку, прижатую к серой ткани, и вошёл.

Павел опустился на колени у Борисовой руки. Лиза объясняла по телефону, как въехать во двор. Она сбилась на название старого склада и исправилась. Данила вбежал в мастерскую, спросил, что случилось, и замолчал у двери.

Лиза включила громкую связь и опустила телефон на край стола. Голос спросил про дыхание. Павел наклонился к Борису, потом ещё раз и, боясь ошибиться, ответил, что не слышит.

Из телефона заговорили быстрее. Павел снял с Бориса очки и положил возле стола. Серую куртку вытащил из-под головы, отодвинул ногой к стене; только после этого заметил мокрое на пальцах. Ему ещё казалось, что Борис сейчас оттолкнёт его, выругается.

Лиза подняла телефон со стола и встала рядом на колени. Передавала ему команды из трубки, хотя теперь он и сам их слышал. Он нажимал на грудь Бориса, чувствуя под ладонями мокрую ткань, и считал вслух, сбиваясь. Лиза подхватывала счёт. Где-то над ними Галина повторяла, что ещё недавно он разговаривал.

— Отойдите от двери, — сказал Данила. — Дайте им пройти. Кто скорую встретит?

Надежда ответила, что встретит. Павел слышал её голос, но не поднял головы.

Он не знал, сколько это продолжалось. Руки устали так, будто он весь день держал над головой тяжёлую дверь. На полу рядом с его коленом лежала тёмно-синяя пуговица.

Прибежали медики. Павла отвели к стене. Один из них занял его место, другой задал Лизе вопросы. Данила отвечал тоже, и его попросили говорить по одному.

Павел смотрел на свои ладони. Лиза дала ему салфетки, но он не сразу понял зачем. Потом начал вытирать пальцы, осторожно, будто это могла быть чужая боль.

Кирилл стоял в дверях. Павел увидел его лицо и отвернулся. Ему казалось, тот сейчас скажет что-нибудь про Льва, а он не выдержит звука этого имени.

Снаружи снова приехала машина. Кто-то спросил, кто обнаружил лежащего. Лиза подняла руку, словно в школе, и сразу опустила. Назвала себя, показала на Павла. Полицейский попросил их обоих оставаться здесь.

Бориса не увезли сразу. Медики продолжали работать, потом один из них долго смотрел на прибор и разговаривал с другим. Павел понял по их движениям раньше, чем услышал слова.

Надежда подошла к нему и спросила, не нужна ли вода. Он покачал головой.

— Паша, посмотри на меня.

Он посмотрел.

— Ты здесь побудь. Никуда не уходи.

— Я не собирался.

Она кивнула и отступила. Полицейский попросил не трогать вещи, которые остались в конторе. Павел уже ничего не трогал. Его собственная куртка лежала брошенная на стуле в мастерской, рукав свешивался до пола.

Данила стоял у окна и держал телефон обеими руками. Экран погас, но он продолжал смотреть в него.

— Как на снимке, — сказал он тихо.

Павел повернулся.

— Что?

— Я говорю... Куртка. Всё было как на снимке.

Полицейский услышал и спросил, о каком снимке речь. Данила начал объяснять про фильм, первое дело, реконструкцию. Галина принесла папку, потом остановилась, не зная, можно ли отдавать её просто так. Полицейский позвал коллегу.

Павел смотрел на дверь конторы. Серая куртка так и осталась у стены, куда он её отодвинул. Над воротником виднелся тёмный мокрый участок, а на нижнем крае не хватало только что пришитой пуговицы.

Он вспомнил другую куртку на крючке. Как задел её плечом, выходя четырнадцать лет назад. Как на фотографиях она уже лежала под головой Льва и люди потом рассказывали, что он хотя бы попытался помочь.

Тогда он знал, что это неправда, и промолчал.

Сейчас кто-то повторил именно эту неправду.

Глава 6. На этот раз

Павел решил, что может выйти во двор, когда его перестали спрашивать. Там осталась сумка с водой и бутербродами, которые он утром сделал на целый день. Есть он не хотел. Хотелось взять что-нибудь своё.

У дверей стоял молодой полицейский. Он отступил, пропуская женщину с большим чемоданом, а перед Павлом снова занял проход.

— Мне за сумкой.

— Покажите, где она. Вам принесут.

— Я сам возьму.

Полицейский посмотрел ему в лицо. До этого смотрел на руки, на испачканный рукав, на пол за спиной.

— Павел Сергеевич, вы остаётесь здесь. Со мной.

Павел достал телефон, будто это могло объяснить, что он никуда не собирается бежать. На экране было восемнадцать тридцать две. Непрочитанных сообщений не прибавилось.

— Я хочу позвонить адвокату.

— Сейчас придёт следователь, скажете ему.

— Я вам говорю.

Полицейский немного изменил положение ног. Павел увидел это и убрал телефон в карман. Раньше он узнал бы по такому движению, сколько у него осталось времени на спор. Сейчас ему было сорок восемь, он стоял возле погибшего человека и боялся снова начать понимать жизнь этим способом.

Лиза сидела на ящике в соседнем помещении. Ей дали воду в чужой кружке. Она подносила кружку ко рту, но, кажется, не пила. Когда их взгляды встретились, Лиза показала большим пальцем на телефон. Павел не понял, спрашивает она или предлагает позвонить за него.

Он кивнул в любом случае.

Следователь оказался крепким мужчиной с коротко подстриженными волосами. В отличие от остальных, не торопился говорить. Представился Савелием Демидовым, спросил фамилию Павла, потом попросил показать ладони.

Павел показал. Между пальцами осталась кровь, которую салфетки только размазали.

— Повреждения есть?

— Не знаю.

— Сами посмотрите. Болит что-нибудь?

У основания большого пальца на правой руке тянула старая трещина. Сегодня утром он зацепил её краем фанеры. Павел сказал об этом, затем показал левый локоть: содрал, когда опустился возле Бориса. Демидов позвал женщину с чемоданом. Она попросила не вытирать руки дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.